

Въ долинь Дуная въ 1877 году.

IV.

Осенью 1876 года, когда главная квартира дѣйствующей арміи двигалась въ экстренномъ поѣздѣ съ сѣвера на югъ къ Кишиневу, только немногіе играли въ карты, большинство же было занято серьезнымъ разговоромъ о предстоявшихъ боевыхъ операціяхъ. Вспоминались переправы нашихъ войскъ черезъ Дунай въ минувшія войны, свойства страны, характеръ Балканъ; дѣлалась характеристика турецкихъ войскъ, населенія, обсуждалось значеніе сераля, выводились заключенія о тѣхъ отношеніяхъ, въ которыя къ намъ станутъ державы Западной Европы. Строились планы войны. По мнѣнію однихъ, и на этотъ разъ, какъ прежде, наступленіе будетъ поведено черезъ Добруджу, какъ болѣе безопаснымъ операціоннымъ направленіемъ, хотя и голодною страной и замыкаемымъ рядомъ турецкихъ крѣпостей. Другіе отвергали прежній способъ дѣйствія, находя его несоотвѣтственнымъ настоящему превосходству нашей арміи надъ турецкою. Благодаря такому превосходству, находили, что мы смѣло можемъ рѣшиться на переправу черезъ Дунай на его среднемъ теченіи, гдѣ-нибудь около Систова или Никополя, откуда до Балканъ рукой подать, что при такомъ направленіи крѣпости остаются въ сторонѣ, а путь до самого Адрианополя для насъ будетъ открытъ. Наконецъ, третьи, находя движеніе нашей арміи береговою полосю недопустимымъ уже потому, что мы не господствуемъ на морѣ, а движеніе кратчайшимъ путемъ неосторожнымъ и оставляющимъ въ сторонѣ нашу естественную сообщницу Сербію, пред-

лагали переправу черезъ Дунай на Кладово и изъ княжества наступать на Константинополь великимъ историческимъ путемъ. На замѣчаніе о неимоვნно длинной въ такомъ случаѣ нашей операціонной линіи, они возражали утвержденіемъ въ отсутствіи на дорогѣ особо трудныхъ препятствій.

Было въ высшей степени интересно прислушиваться къ этому живому обмѣну мыслей. Вѣдь предо мной былъ цвѣтъ арміи, представители родной стратегіи, мозгъ генеральнаго штаба. И дѣйствительно, нельзя было не отдать справедливости богатству знаній и воинскому развитію присутствующихъ. И умъ, и знаніе, и очевидно характеръ, все было на-лицо, въ полномъ между собою равновѣсіи. Но чего-то недоставало, что наложило бы на всѣ обсуждаемые вопросы печать общаго направленія. Казалось, что недоставало военнаго генія верховнаго командованія. Послѣ всѣхъ дебатовъ хотѣлось бы слышать объединительное авторитетное слово, которое сразу бы примирило противоположныя мнѣнія. То, что ощущалось мною, сознавалось и выше и проистекало отъ отсутствія за послѣднее время боевого опыта. Вопросъ надѣялись разрѣшить назначеніемъ въ голову штаба личности весьма почтенной, но, какъ оказалось на дѣлѣ, далеко не отвѣчавшей возложеннымъ на нее надеждамъ. Какъ-бы не довѣря ей вполнѣ, былъ избранъ въ помощники ей одинъ изъ самыхъ бойкихъ нашихъ профессоровъ, почему-то считавшійся восходящимъ свѣтиломъ. И вотъ, когда это свѣтило заговорило, всѣ стихли, съ напряженнымъ вниманіемъ ожидая, что всѣмъ такъ хотѣлось слышать. Рѣчь была красно-рѣчива, произносилась съ подъемомъ, вразумительно, но совершенно не отвѣчала всеобщему ожиданію. Это блестящее изложеніе операцій эрц-герцога Карла на р. Дунаѣ было ни болѣе и ни менѣе какъ повтореніе задачъ по курсу военной исторіи. Цѣлая плеяда славныхъ полководцевъ нашихъ прежнихъ войнъ на Балканскомъ полуостровѣ, такимъ образомъ, не имѣла своихъ одухотворенныхъ представителей, и ихъ завѣты боевого опыта не дошли до современныхъ потомковъ. Ихъ высокіе примѣры были переработаны сухими систематиками въ безжизненные масштабы, скорѣе заглушавшіе проблески талантливой инициативы, чѣмъ способствовавшіе ихъ развитію. Прошлые примѣры не повторяются въ той же обстановкѣ. Можно ли сомнѣваться, что, заученные больше на память, они принесутъ дѣлу скорѣе вредъ, чѣмъ пользу.

Все это мнѣ припомнилось, когда по зову главнокомандующаго я прервалъ свою дѣятельность въ Бухарестѣ и направился къ Зимницѣ.

— „Ты мнѣ будешь нуженъ въ дѣйствующей арміи“, милостиво

говорилъ мнѣ Его Императорское Высочество передъ своимъ выѣздомъ къ Дунаю, „пріѣзжай къ переправѣ“.

Меня очень занимала мысль, что именно относительно меня имѣлъ въ виду главнокомандующій; но оторванный въ послѣднее время отъ главной квартиры, я не зналъ, что Великій Князь пришелъ къ рѣшенію, вслѣдъ за переправою, выдвинуть впередъ летучій кавалерійскій отрядъ для овладѣнія горными проходами въ Балканахъ и освѣщенія мѣстности на возможно большемъ пространствѣ. Все, что касалось до этого предпріятія, было покрыто даже для насъ непроницаемою тайною.

Мое стремленіе къ освѣдомленности ограничивалось двумя вопросами чрезвычайной важности. Назначаются ли исключительно для боевыхъ операцій тѣ семь корпусовъ, которые вошли въ составъ арміи, или на нихъ же возлагаются обязанности знанія страны, охраненія тыла и образованія тыловыхъ учреждений? И другой вопросъ, не менѣе важнаго значенія,—усвоена ли окончательно рѣшимость энергичнаго наступленія впередъ, не задерживаясь осадами крѣпостей?

Все это оставалось для насъ, простыхъ смертныхъ, секретомъ, секретомъ и секретомъ!

Завѣса стала немного приподниматься, когда за обѣденнымъ столомъ, совершенно для меня неожиданно, начальникъ штаба обратился къ главнокомандующему съ просьбою о командированіи меня на устье Ольты для распоряженій по сплаву запасныхъ мостовыхъ частей и повѣрки смѣны нашихъ войскъ при батареяхъ противъ Никополя румынскими.

Это предложеніе, очевидно, шло въ разрѣзъ съ видами Великаго Князя, такъ какъ Его Высочество замѣтилъ, что, можетъ быть, можно было командировать другое лицо? Но на это начальникъ штаба доложилъ, что порученіе чрезвычайной важности, что можетъ представиться необходимость распорядиться именемъ главнокомандующаго, что онъ рѣшительно не видитъ возможности поручить это дѣло другому лицу.

Тутъ же стало извѣстнымъ, что утромъ рѣшенъ вопросъ о летучемъ отрядѣ. Почему-то было для чего-то нужно удалить меня изъ главной квартиры на періодъ формированія отряда, такъ какъ я командировался на разстояніе въ 60 верстъ, а средствомъ передвиженія былъ верховой конь. Какъ ни было досадно, а приходилось безропотно покориться, и я съ грустью направлялся къ своей палаткѣ. На поворотѣ улицы останавливается чудная тройка съ легкимъ фазтономъ одного изъ триумвировъ продовольственнаго товарищества.

— „Какъ я радъ Васъ привѣтствовать“, обращается ко мнѣ соскочившій съ экипажа ея обладатель, „и увѣрить, что на свою дѣятельность мы, товарищи, смотримъ не какъ на выгодную операцію, а какъ на выполненіе высокаго долга предъ отечествомъ“.

— „А если такъ“, я возражаю, „то позвольте мнѣ дать Вамъ случай доказать это не на словахъ, а на дѣлѣ. Предоставьте въ мое распоряженіе Вашъ экипажъ на сутки, много на два“.

Нѣсколько озадаченный, однако съ большою любезностью, товарищъ соглашается, и въ 9 часовъ вечера я уже мчался на лихой тройкѣ.

Командировка оказалась не лишнею, но она отнюдь не вызывалась настоятельною потребностью и не была крайнею необходимостью. На вторыя сутки я былъ обратно въ Зимницъ и въ Царевичахъ нашелъ главную квартиру. Направляясь къ ставкѣ главнокомандующаго для доклада о результатахъ командировки, я сильно колебался упоминать или нѣтъ о предположеніи назначить меня въ составъ только что сформированнаго передового отряда. Начальникомъ отряда былъ назначенъ генералъ Гурко, вызванный телеграммой изъ С.-Петербурга. По четыремъ бригадамъ были распределены офицеры генеральнаго штаба. При начальникѣ отряда былъ назначенъ офицеръ для порученій, но мѣсто начальника штаба оставалось вакантнымъ. По многимъ основаніямъ я предполагалъ, что оно-то и было предназначено для меня; но что-либо упоминать объ этомъ я не рѣшился, разъ навсегда усвоивъ себѣ правиломъ: на службу не напрашиваться, отъ службы не отказываться.

Вскорѣ пришло донесеніе отъ генерала Криденера объ овладѣніи послѣ кровопролитнаго боя старою крѣпостью Никополя. Отслужено въ войскахъ благодарственное молебствіе. Отличившіеся награждены или представлены къ наградамъ. Великій Князь былъ очень доволенъ и съ удовольствіемъ говорилъ: „молодецъ Криденеръ“. Съ такими же словами Его Высочество обратился и ко мнѣ.

— „Да, Ваше Высочество, генералъ Криденеръ конечно молодецъ и заслужилъ самую высокую награду; но за повадку на такое кровопролитіе, не вызываемое крайнею необходимостью, заслужилъ внушенія. Если по его примѣру всѣ будутъ бить въ лобъ при необыкновенной способности турокъ къ оборонѣ мѣстныхъ предметовъ, отъ арміи не много останется“.

— „Ну, я не хочу обижать старика“.

Старика я не только не имѣлъ въ виду обижать, но былъ ему чрезвычайно благодаренъ за выборъ меня къ себѣ на должность начальника штаба 9 корпуса, за который ему досталось отъ началь-

ника Главнаго штаба. На просьбу о моемъ назначеніи графъ Ѡ. Л. Гейденъ даже вспылить.

— „Что жъ, мнѣ младенцевъ къ вамъ назначать?“

— „Но, Ваше Сіятельство“, возражаетъ генераль Криденеръ „я прошу о назначеніи полковника съ Владиміромъ 3-й степени“.

— „А что же по-вашему я долженъ дѣлать съ моими генералами?“.

Начальникомъ штаба былъ назначенъ Генеральнаго штаба генераль-маіоръ Шнитниковъ.

Жаль, что послѣ Никополя войска не были предупреждены особымъ приказаніемъ о способѣ дѣйствія турокъ. Никополь не сдѣлался бы прологомъ Плевны.

Мы, кажется, усвоили себѣ самый рѣшительный образъ дѣйствій и быстро двигались въ Тырновъ, но здѣсь мы остановились, долго простояли на мѣстѣ и повернули назадъ.

Я не пишу военной исторіи, а только набрасываю образы и картины событій, возникающія предо мной изъ эпохи восточной войны. Однако, что же послужило причиной такому крутому повороту назадъ? Передовой летучій отрядъ нигдѣ не встрѣтилъ серьезнаго сопротивленія и не нашелъ препятствій для наступленія главными силами. На востокъ турецкія силы главнымъ образомъ группировались въ сферѣ крѣпостей и пока не проявляли агрессивныхъ намѣреній. Только на западѣ оперировали войска бывшей сербской арміи, предназначавшіяся для обороны. Дуная и двигавшіяся послѣ форсированія нами переправы, на Плевно и къ Никополю, угрожая нашему правому флангу.

По свойствамъ своего характера турки страшны за закрытіями, по дурному командованію не способны къ маневрированію въ полѣ. Отсюда высокое ихъ достоинство въ пассивной оборонѣ и ничтожество сопротивленія на ходу. Оставить турецкую крѣпость въ тылу или на флангѣ можно подъ наблюденіемъ сравнительно небольшого отряда; но прежде, чѣмъ ее штурмовать, необходимо подумать десять разъ и рѣшиться только въ случаѣ крайней необходимости. Вотъ завѣты нашихъ неудачныхъ штурмовъ и блестящихъ побѣдъ надъ противникомъ, въ десять разъ превосходившимъ насъ числительною силою.

Что же дѣлаютъ наши наткнувшіеся на турокъ отряды? Насѣдаютъ слабыми частями, заставляя ихъ закапываться въ землю, т. е. прямо противоположное тому, что слѣдовало дѣлать. Кровь, пролитая подъ стѣнами Руцука, Силистріи, Варны, Браилова... пропадаетъ даромъ. Комментаріи на нихъ тщательно разбираются съ каедръ мирнаго времени, но въ боевую сферу не попадаютъ. Какъ прозелиты въ военномъ дѣлѣ, юные полководцы хотятъ открыть собою новую эру искусства, но на дѣлѣ убѣждаются горькимъ кровавымъ опытомъ, что, чтобы брать Измаиль штурмомъ, нужно быть Суворовымъ.

Да, чтобы одерживать побѣды, еще мало быть витіеватымъ профессоромъ, блистательно сдавать экзамены, быть исполнительнымъ штабнымъ офицеромъ. Еще мало обладать самыми обширными знаніями, которыя могутъ даже причинить большой вредъ, если на лицо нѣтъ боевого таланта. Но сфера послѣдняго во всемъ отлична отъ требованій мирнаго времени. Вотъ почему полководцы, еще не отмѣченные печатью всесвѣтнаго дарованія, рѣдко когда оцѣниваются по достоинству.

Почему же войска, предназначенныя для операцій на извѣстномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, своевременно не осваиваются съ его особенностями? Почему имъ не внушаются способы дѣйствія, приноровленные къ обстановкѣ? Однообразный масштабъ, примѣняемый въ настоящее время ко всѣмъ странамъ свѣта, сѣверу и югу, западу и востоку, на всемъ пространствѣ государственной территоріи, слишкомъ теоретиченъ и потому всегда оплачивался и будетъ оплачиваться дорогою цѣною, пока средства не будутъ соображены съ поставленными войскамъ цѣлями.

Во всякомъ случаѣ уронъ подъ Плевной былъ частнымъ неуспѣхомъ. Какъ же онъ могъ послужить измѣненію плана кампаніи? Развѣ такія неблагопріятныя случайности невозможны на войнѣ, или ихъ нельзя предвидѣть, и нѣтъ средствъ къ своевременному ихъ исправленію! Ясно, что истинная причина крутого поворота отъ активнаго начала къ пассивному не столько заключалась въ этихъ событіяхъ, сколько лежала въ основѣ неустойчивости командованія, можетъ быть, въ двойственности его характера. Въ то время, какъ самъ главнокомандующій широкимъ взоромъ обнималъ весь театръ войны и стремился къ разрѣшенію на немъ главнѣйшихъ задачъ, штабная техника, въ лицѣ ближайшихъ лицъ свиты, тормозила его начинанія, находя ихъ неблагоразумными и рискованными. Слабая духомъ, но безгранично кичливая, она не выполняла своихъ прямыхъ обязанностей, нервничала и отъ собственной тѣни приходила въ невыразимый ужасъ. Бывали минуты глубокой вѣры въ свою непогрѣшимость, но онѣ быстро смѣнялись часами полнѣйшаго маразма.

Я уже имѣлъ случай свидѣтельствовать о высокихъ достоинствахъ офицеровъ Генеральнаго штаба. Пользоваться ими, однако, было некому, почему и не могла образоваться та нравственная между ними связь, благодаря которой вся армія могла бы объединяться однимъ духомъ и направлять свои усилія въ одномъ направленіи. Какимъ-то сарказмомъ звучало уподобленіе Генеральнаго штаба нервной системѣ организма со средоточіемъ въ головномъ мозгу. Не только не существовало способности къ рѣшенію высшихъ задачъ, но не выполнялась самая обыкновенная штабная

работа. Дошло, наконецъ, до того, что части войскъ перемѣшались, а о нѣкоторыхъ даже не было извѣстно, гдѣ онѣ находятся.

Въ такую-то минуту призываетъ меня начальникъ штаба и даетъ порученіе поѣхать на востокъ по Османъ-базарской дорогѣ въ расположеніе генерала Эрнрота.

— „Посмотрите, что и какъ, сдѣлайте соответственныя распоряженія и возвращайтесь съ докладомъ. Подробности Вамъ сообщитъ К. В.“¹⁾.

Прихожу къ К. В.

Заставивъ меня прождать съ добрыхъ полчаса, К. В. наконецъ обращается ко мнѣ:

— „Его Высочеству главнокомандующему угодно, чтобы Вы отправились въ расположеніе восточнаго отряда, прикрывающаго насъ со стороны Османъ-базара, повѣрить правильность распредѣленія и назначенія войсковыхъ частей и, не задерживаясь, возвратились обратно“... Нѣсколько обождавъ, какъ бы собираясь съ мыслями, добавилъ: „Если вамъ нужно прикрытіе, то опредѣлите какое?“

Отвѣтъ мой былъ лакониченъ: „Не мнѣ судить о надобности и размѣрѣ конвоя. Надѣюсь, что если онъ нуженъ, то будетъ назначенъ во всякомъ случаѣ, одинаково, буду ли я о немъ просить или нѣтъ. Завтра съ разсвѣтомъ я тронусь въ путь“.

— „Какъ хотите“.

Конвоя не было. Вдвоемъ съ казакомъ мы сдѣлали до восьмидесяти верстъ туда и обратно, мѣняе, чѣмъ въ сутки, гдѣ рысью, гдѣ шагомъ, гдѣ вскачь. Я познакомился съ расположеніемъ войскъ генерала Эрнрота, успѣлъ набросать кроки мѣстности и совершенно благополучно вернулся обратно съ подробнымъ докладомъ объ исполненномъ порученіи. Правда, на дорогѣ мы попали подъ пули башни-бузуковъ, но миновали ихъ безъ изъяна, и потому не стояло ихъ и поминать. Подъѣзжая къ р. Янтрѣ, уже недалеко отъ Тырнова, намъ встрѣтился топографъ съ мензулой на возу подъ эскортомъ пяти стрѣлковъ и трехъ казаковъ.

Эта командировка меня очень удивила. Она была первою послѣ переправы, въ то время, когда мои сослуживцы уже успѣли ихъ исполнить по нѣсколько. Не разъ случалось, что при возникновеніи необходимости кого-нибудь послать главнокомандующій указывалъ на меня. Но каждый разъ на это получалъ заявленіе начальника штаба о моей крайней необходимости для штаба. Въ дѣйствительности же я палецъ о палецъ не ударялъ.

Г. И. Бобриковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Казиміръ Вавильевичъ Левицкій. Помощ. начальн. штаба. *Ред.*